

(Окончание. Начало в [1])

О лишенцах и умалишенцах

Лишенцы – люди, лишённые не только избирательных и гражданских прав, но и своего имущества. В сельской местности лишение избирательных прав кормильца автоматически причисляло к лишенцам всех материально зависимых от него членов семьи. В результате крестьянин и его семья фактически исключались из общества и не имели тех минимальных прав и благ, которое оно ему предоставляло. В Лобановском сельском совете начали лишать избирательных прав с 1918 года. В протоколе №1 заседания Лобановского сельского избиркома от 16 ноября 1930 года рассматривали список лиц, лишённых избирательных прав по Лобановскому сельскому совету с 1918 по 1929 год. Всего в списке было 23 человека. Постановили: Тенишева Аминуллу Ряхмятулловича и его жену Шарифю, Утешева Джаруллу Салиховича с женой Магирой – мулл с супругами, которых в списках называли «муллиями», в избирательных правах не восстанавливать. Позднее у Тенишева Аминуллы Ряхмятулловича в 1931 году произвели отчуждение имущества.

Жил Амин-мулла, по деревенским понятиям, весьма зажиточно. Муллам всегда за исполнение каких-либо религиозных обрядов платили и платят до сих пор наличными деньгами: дают «хаер» (ударение на последний слог). Поэтому еще в то время у него уже была вешалка для одежды, а простые крестьяне всегда вешали одежду на большие гвозди, вбитые в деревянные стены. Стоила эта вешалка, по описи, дороже, чем конюшня, баня, чулан и курятник, вместе взятые. Фарфоровые тарелки – не меньшая для тогдашних деревенских людей роскошь. Диваны тогда у татар были самодельные, деревянные; для мягкости на него стелился войлок, сделанный из прессованной овечьей шерсти. Называли его заимствованным из русского языка словом «потник», но с ударением на последнем слоге. Большие напольные зеркала были тогда достаточно редкими в татарской деревне, их тоже воспринимали как предмет роскоши. Венских стульев в селе вообще никогда не видели, сидели всегда на деревянных лавках. По архивным документам можно понять, с каким трудом представители местной власти

осваивали письменный русский язык. Ведь в татарских селах были только мусульманские школы. Вот и приходилось им изучать требуемый язык самостоятельно. 11 человек оставили лишенными в избирательных правах. 12 человек в правах восстановили.

«Лаврентий Палыч Берия вышел из доверия...»

Был конец декабря 1953 года. В начальной школе села Лобановка полным ходом шла подготовка к новогодним праздникам. На уроках труда делали гирлянды – вырезали из остатков старых обоев и раскрашивали вручную флажки. При помощи мыла склеивали бумажные цепи. В заранее приготовленные фантики заворачивали кусочки сырой картошки и украшали елку такими «конфетами».

На Новый год ученикам сельский совет всегда давал подарки. В кульке было два печенья, два пряника, четыре карамели и конфеты «подушечки», также четыре штуки. Бабушка до сих пор помнит точный состав подарка, который был одним из самых ярких воспоминаний полуголодного детства. «На санях привезли елку – высокую, до потолка. Старик-сторож установил ее посреди класса». Почтальон дед Ибрай, или, как его называли по-уличному, «Каштан бабай», когда принес газеты в школу, сказал слова, которые бабушка запомнила на всю жизнь: «Сейчас можно тихо не разговаривать, сейчас громко разговаривайте. Теперь не расстреляют». Учительница Фатыма-апа, посмотрев на газеты, попросила уборщицу убрать со стены один из портретов. В школе, на стене класса, всегда висели портреты тогдашних политических деятелей. «Мы маленькие были и толком понять не могли, почему портрет какого-то дядьки в странных очках убирают со стены, – вспоминает бабушка. – Детям было все равно: портретом больше, портретом меньше. Когда мы, не понимая, почему снимают портрет со стены, спросили об этом учительницу, Фатыма-апа строго ответила: «Елке мешает!». Возвращаясь из школы, я услышала разговор агронома Кузьмы Савельевича (его настоящее имя Хусяин Айзятуллович) с односельчанами: «Берия расстреляли. Теперь по-другому заживем». Кто такой Берия и почему теперь заживем по-другому, восьмилетняя татарская девочка Алия понять не могла. Тогда она больше ждала новогоднюю елку в школе и кулек с подушечками.

«У всякого чина своя причина»

При изучении «Похозяйственной книги основных производственных показателей хозяйств единоличников» в ЦГА РМ я заметила, что в некоторых местах разных протоколов страницы попросту вырваны: всего не хватало около 10 страниц. Мне стало интересно, кому и зачем понадобилось исправлять таким странным образом

исторический документ. Я обратилась к работникам архива с этим вопросом. Они сказали, что в самом архиве вырвать страницы никто не мог. Значит, документы поступили в архив уже в таком состоянии. Скорее всего, кто-то из работников сельского совета перед сдачей документов в архив «подправил» невыгодные для себя сведения.

Религия и мораль одной семьи

Важное место в жизни любого татарского села и его жителей вне зависимости от социального статуса, занимала мечеть, которая была закрыта в конце 20-х годов XX века. Перед этим из мечети на улицу выкинули старинные религиозные книги на арабском языке. Жители села унесли некоторые по своим домам, а остальные книги спрятали в минарете мечети. После закрытия, из мечети сделали зернохранилище. Мулл в селе либо пересажали, либо выслали из родного дома. Началась антирелигиозная кампания, но несмотря на жестокое отношение советской власти к религии, люди в селе продолжали верить в Аллаха.

В 1956 году в Лобановке Шехмаматьев Шакир построил большой пятистенный дом, в котором было две комнаты. В одной комнате жила сноха с тремя сыновьями, а во второй Шакир-ага, как человек, искренне верящий в Аллаха, открыл мечеть. Моя бабушка Алия, 1945 г.р., еще ребенком заходившая в новую мечеть, рассказывала о той «домовой мечети»: «В этом доме было 2 отдельных входа, 2 крыльца; чтобы пришедшие помолиться люди никому не мешали и ничем не отвлекались. Мечеть находилась в горнице: комната была большая, но мебели в ней не было совсем. Вместо молельных ковриков на полу расстелены белые простыни. В комнате-мечети была большая голландка.

Тюбетеек на мужчинах не было: ни в магазинах, ни на рынке их не продавали, поэтому взять их было просто негде. Зимой все мужчины не снимали головные уборы, т.к. им в мечети, и даже дома при совершении намаза, надо обязательно чем-то прикрывать голову. Летом на головах у всех были кепки, только в мечети их поворачивали козырьком назад – так они больше были похожи на тюбетейки».

Бабушка вспоминает, что пространство для женщин, в любой мечети обычно отделенное занавеской, было очень маленьким. Ведь мечеть была фактически на подпольном положении. Поэтому там сидели только старухи, которые физически не могли выдержать службу стоя. Остальные женщины приходили к мечети только по большим праздникам, во время мусульманского поста «рузя» на ночную молитву, которая называется «таравих». Женщины стояли под окнами и слушали, как мулла читает молитвы. Шакир-ага вторые зимние рамы специально не поставил, чтобы все в Лобановке могли услышать, как идет служба.

Оксана Елисова